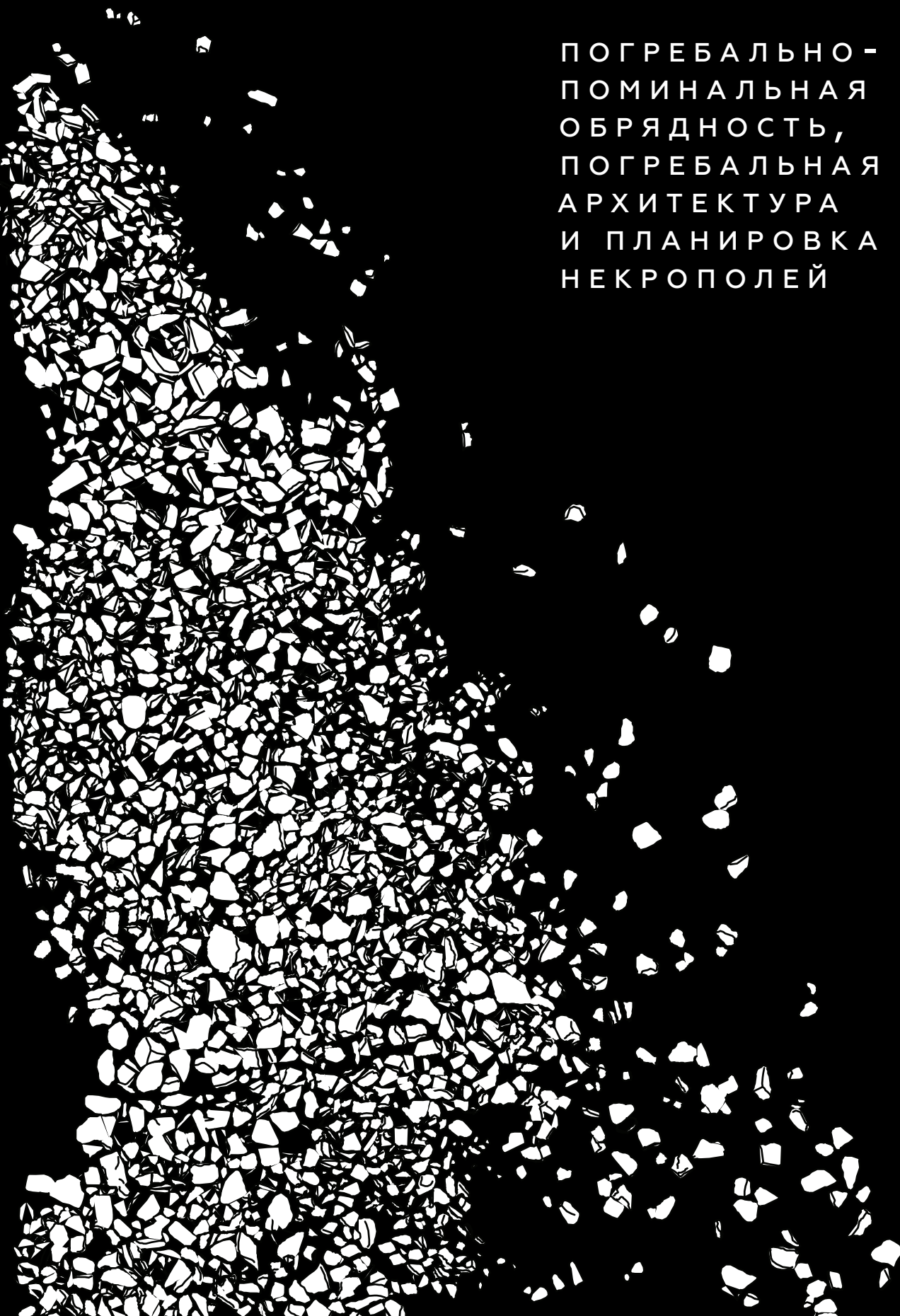

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменской культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

А. П. Бородовский

ПОГРЕБАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БЫСТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
НА ВЕРХНЕЙ ОБИ) ¹

Феномен поликультурности по данным археологии представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях: территориальном, хронологическом, предметном, ритуальном и атрибутивном. Одним из них является материализация следов погребальных практик, проявляющаяся в особенностях надмогильных и внутримогильных конструкций, позы и ориентации погребенного, комплекта сопроводительного инвентаря и ритуалов. В эпоху раннего железа на территории лесостепного Приобья взаимодействие населения с различным происхождением наиболее отчетливо представлено в многомогильном курганном Быстровском некрополе (Быстровка-1, 2, 3)..

Ключевые слова: раннее железо, лесостепное Приобье, поликультурность, погребальная обрядность, ритуалы, предметный комплекс, дендрохронология, радиоуглеродное датирование.

Феномен поликультурности по данным археологии (Савинов, 2002. С. 155) представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях: территориальном, хронологическом, предметном, ритуальном и атрибутивном. Одним из них является материализация следов погребальных практик, проявляющаяся в особенностях надмогильных и внутримогильных конструкций, позы и ориентации погребенного, комплекта сопроводительного инвентаря и ритуалов. Одним из отражений проявления феномена поликультурности эпохи раннего железа на юге Западной Сибири является масштабный Быстровский некрополь (Быстровка-1, 2, 3) Верхнего Приобья (Бородовский, 2002. С. 85–130) (рис. 1). Он включает целый ряд многомогильных курганов (от двух до пятидесяти захоронений), сформировавшихся на протяжении длительного временного периода (рис. 2).

При анализе поликультурности многомогильных курганов эпохи раннего железа особое значение имеет территориальный (планиграфический) контекст. Он может быть представлен как в рамках одного кургана, так и всего некрополя в целом. В частности, поликультурность захоронений может проявляться в освоении особых зон как самого кургана, так и всего некрополя в целом, сформировавшихся в один хронологический период. В известной степени именно сочетание временных и планиграфических контекстов и является одним из главных индикаторов поликультурности, в отличие от более протяженного и последовательного стратиграфического соотношения погребений различных культурных традиций с широкой хронологией их существования.

Территориальный уровень представлен не только фактами инокультурных погребальных практик в пределах пространства всего некрополя, но и сегментов отдельных многомогильных курганов. Особенности организации пространства являются одними из качественных характеристик любой культуры (Быстрова, 2004. С. 15). Осваивая территорию, любая культура имеет собственные уникальные пространственные измерения (Гам же, 2004. С. 28; Замятин, 2006. С. 7), которые находят отражение в погребальном пространстве. Благодаря четкой фиксации признаков традиционной культуры на изучаемой территории в течение длительного времени открываются широкие возможности детального исследования динамики историко-культурных процессов (Гам же, 2006. С. 260). На территории Евразии многомогильные курганы распространены в различные эпохи. Для Верхнего Приобья этот тип погребальных сооружений представлен с эпохи поздней бронзы (ирменская культура) и раннего железа.

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО Алтайским государственным университетом, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» (№. 2013-220-004-129).

Репрезентативность указанного археологического источника, длительность изучения его материалов, использование естественнонаучных методов (радиоуглеродного и дендрохронологического) при датировании и полное антропологическое изучение открывают особые перспективы для обсуждения вопросов формирования погребального пространства. К ним следует отнести основные направления в интерпретации этого явления, выделения основных этапов существования и хронологию феномена многомогильности кургана в эпоху раннего железа на Верхней Оби.

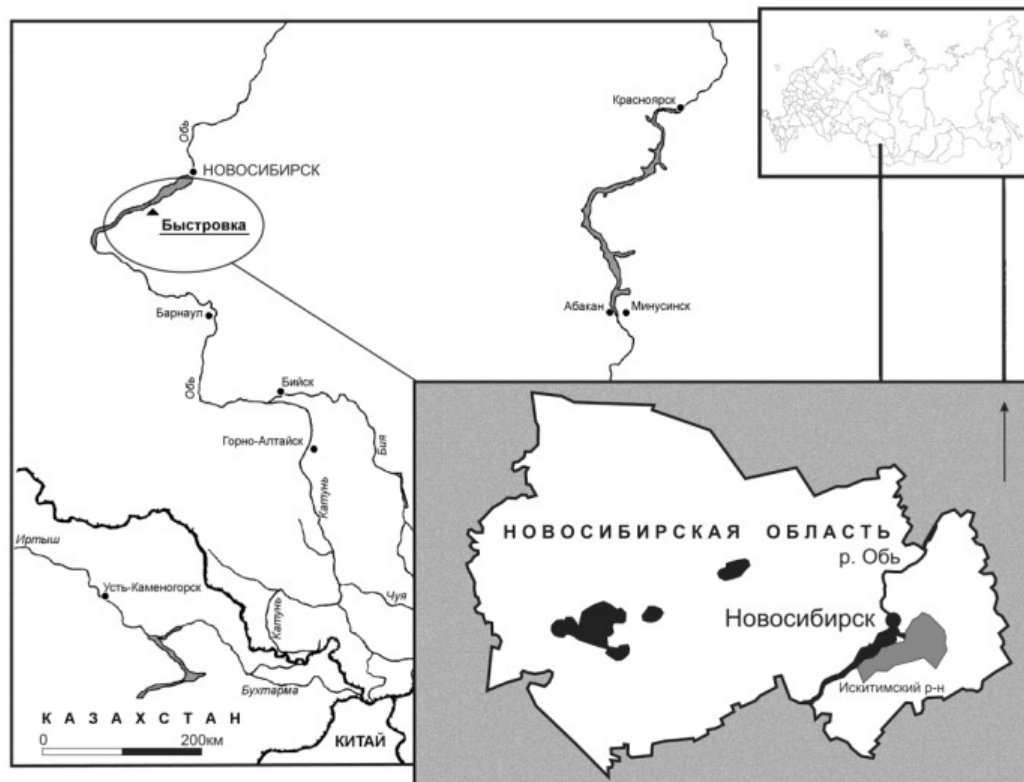

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя (Искитимский район Новосибирской области)

Одной из основных функций погребального сооружения является обособление (изоляция) погребального пространства от окружающей среды (Смирнов, 1997. С. 5, 30, 40), что невозможно без его особой организации. Пространственно структура погребального комплекса (тафосферы) развернута одновременно в горизонтальной и вертикальных плоскостях одновременно (Там же, 1997. С. 25, 34). В археологической литературе модель погребального комплекса представлена внешней и внутренней структурой, разделенной условным уровнем дневной поверхности (Там же, 1997. С. 29). По нашему мнению, содержание внешней структуры погребального комплекса в горизонтальной плоскости следует трактовать достаточно широко, включая все пространственное окружение вокруг погребальных сооружений. В рамках такого подхода следует учесть не только взаиморасположение отдельных погребальных объектов (курганов), но и ряда курганных групп, синхронно существующих на определенной территории, а также сооружения другого предназначения, составляющие часть культурной «инфраструктуры» своей эпохи.

Общим принципом внешней организации погребального пространства эпохи раннего железа верхнеобского региона, включая многомогильные курганы, является «зеркальность» их расположения на противоположных берегах магистральной реки (рис. 2, 1а). Таким образом, внешние границы погребального пространства этих археологических комплексов значительно шире, чем месторасположения отдельной или нескольких курганных групп. Для Быстровского некрополя, расположенного в настоящее время на существенно измененной антропогенной деятельностью территории (правый берег Новосибирского водохранилища), удалось установить совпадение основной ориентации погребального комплекса относительно ныне не существующего русла р. Оби (рис. 2, 1б). Наличие с севера и юга не-

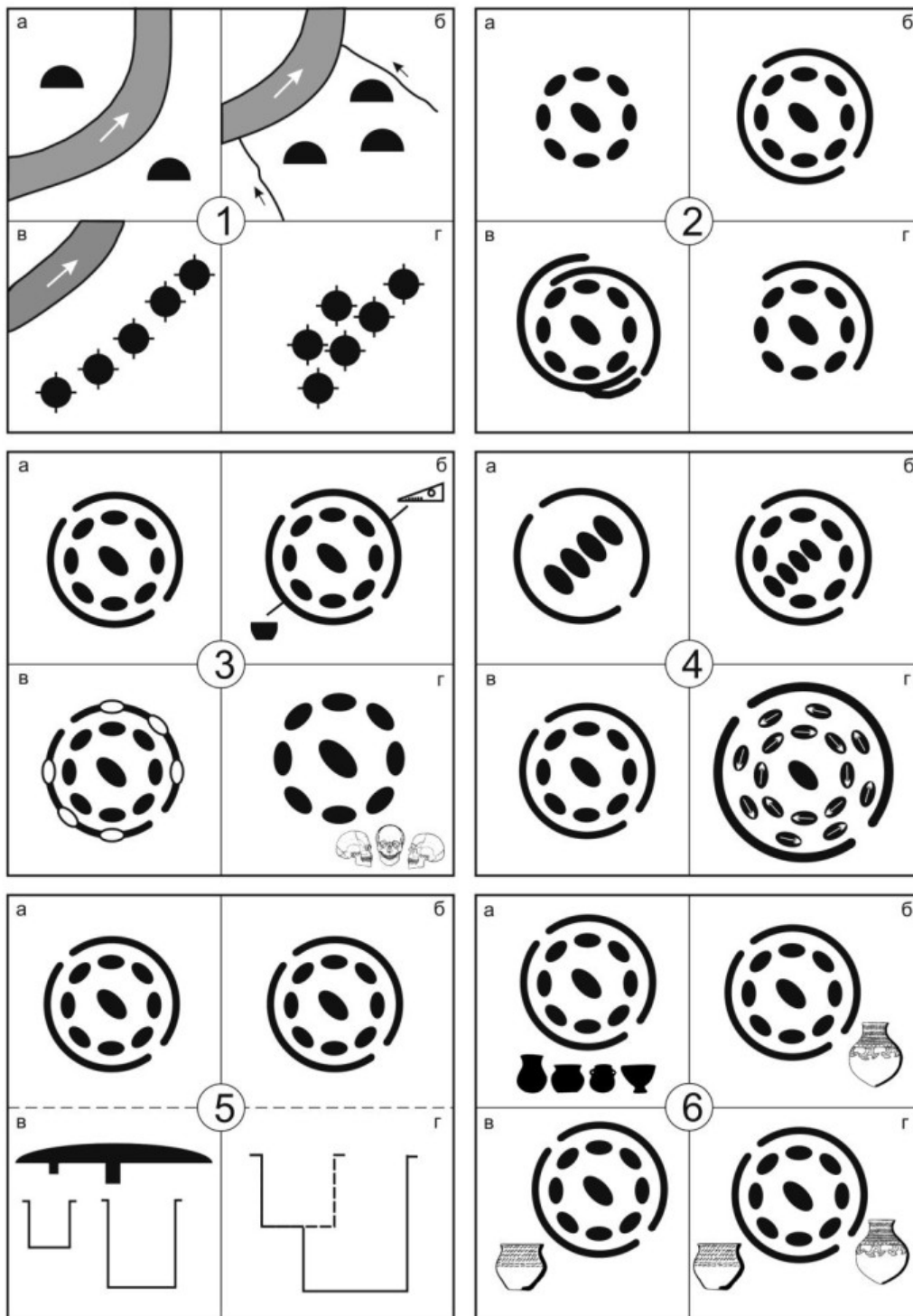

Рис. 2. Погребальное пространство многомогильного кургана эпохи раннего железа (по материалам Быстровского некрополя): 1 — расположение многомогильных некрополей; 2 — внешние границы многомогильных курганов; 3 — погребально-поминальная обрядность на периферии многомогильных курганов; 4 — планиграфия внутреннего погребального пространства многомогильных курганов; 5 — глубина и ярусность захоронений в многомогильных курганах; 6 — погребальное пространство многомогильных курганов и поликультурность

больших рек (Бороздихи и Атаманихи) естественным образом ограничивало этот участок от других прибрежных территорий (рис. 2, 2б). Любопытно, что на южной окраине этого пространства, достаточно далеко от основной территории некрополя, располагались единичные захоронения эпохи раннего железа в культурном слое не существующего к тому времени ирменского поселения Быстровка-4 (Троицкая, Бородавский, 1994. С. 23), с которого в сопроводительный инвентарь отдельных детских захо-

ронений многомогильной курганной группы Быстровка-2 попадали раритетные предметы (*Бородовский, 2004. С. 98–101*). Существенные разрушения естественной береговой кромки Новосибирским водохранилищем, в свою очередь, не позволяют для Быстровского некрополя решить вопрос о взаимном расположении погребального и жилого пространства, а также искажают принципы размещения некрополей эпохи раннего железа относительно р. Оби. В действительности, многомогильный Быстровский некрополь находился на расстоянии нескольких километров от основного русла магистральной реки.

Таким образом, внешнее пространство погребальных комплексов было достаточно обширно, особенно в западном направлении, тогда как к северу, востоку и югу оно имело явные естественные ограничения.

Особенности организации внешних границ погребального пространства являются одним из его основных принципов. Одним из элементов этого является взаиморасположение многомогильных курганов относительно друг друга. Несмотря на определенную ориентацию (рис. 2, 1*в*) курганных групп быстровского некрополя при размещении многомогильных курганов это направление не всегда точно выдерживалось. В целом для Быстровки-1, 2, 3 характерно отсутствие четкой планировки курганов «цепочками». Многомогильные курганы часто располагались в непосредственной близости друг от друга (рис. 2, 1*з*), что не позволяет в полной мере применять приемы вычисления определенных размерных модулей расстояния, на которых они находятся друг от друга (*Телегин, 2008. С. 37–46*). Причину компактного расположения ряда многомогильных курганов Быстровки-1, 2, 3 еще предстоит выяснить, однако очевидным является факт существования нескольких принципов в рамках общей планировки некрополя.

Любое ограждение погребальной конструкции можно рассматривать как одну из основ организации ее внутреннего пространства. К таким сооружениям по археологическим данным можно отнести рвы вокруг многомогильных курганов Быстровского некрополя (рис. 2, 2, 3). Однако такая черта далеко не всегда и не в полном объеме представлена на погребальном комплексе. Можно выделить несколько вариантов ее существования. Среди них: отсутствие рвов вокруг многомогильных курганов (рис. 2, 2*а*); наличие рва в материковой поверхности только с одной из сторон кургана (рис. 2, 2*б*); кольцевые рвы с одной или двумя перемычками «въездами» (рис. 2, 2*в*); кольцевые рвы, частично дублирующие те, которые находятся внутри погребальной конструкции (рис. 2, 2*в*). У некоторых курганов Быстровки-1 кольцевые рвы были сплошными.

Рвы «въезды» многомогильных курганов Быстровского некрополя ориентированы в направлении на восток и запад с определенными отклонениями от этих сторон света.

В отношении рвов, прослеженных в материковой поверхности, интересен вопрос об их использовании в качестве внешней границы погребального пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя. Можно говорить также о нескольких вариантах такого использования (рис. 2, 3). Одним из них являются рвы, в заполнении которых не выявлено никаких артефактов (рис. 2, 3*а*), отражающих культурную деятельность. Наряду с этим следует отметить наличие целого ряда курганов с кольцевыми рвами, в заполнении которых зафиксированы конские черепа и керамические сосуды (рис. 2, 3*б*), что позволяет рассматривать эту территорию в качестве одной из активных зон отправления погребально-поминальной обрядности. Установить относительную хронологию этих разновидностей внешних сооружений курганов пока достаточно проблематично. Поскольку ранее высказанное предположение о том, что одномогильные курганы (у которых представлены рвы с «въездами» и без них) предшествуют появлению многомогильных погребальных комплексов, в настоящее время для эпохи раннего железа не является абсолютно достоверным. Многомогильность курганов, как черта погребальной обрядности на юге Западной Сибири, характерна как для раннескифского, так и гунно-сарматского времени.

Не меньший интерес представляют многомогильные курганы, рвы которых использовались для захоронений (рис. 2, 3*в*). При этом следует подчеркнуть, что такие случаи были представлены там, где во рвах находились конские черепа. Таким образом, рвы как внешняя «пограничная» территория многомогильного кургана активно могла использоваться и как основное погребальное пространство. Интерпретация этой черты часто сводится к признакам инокультурного саргатского влияния, охватившего

Верхнюю Обь во второй половине I тыс. до н. э. В Быстровском некрополе это находит подтверждение не только в керамическом комплексе (наличие типичных саргатских сосудов, аналогичных предметам из Барабы и Прииртышья), но и по результатам датирования традиционными и естественнонаучными методами погребений, расположенных в непосредственной близости от кольцевых рвов и захоронений в них (рис. 2, 6з). Существенное удревнение Быстровского некрополя, выполненное на основе методов естественно-научного (радиоуглеродного и дендрохронологического) датирования, не позволяет рассматривать многомогильность курганов как позднюю черту погребальной обрядности эпохи раннего железа Верхней Оби.

Наиболее репрезентативным объектом для прослеживания поликультурности являются ярусные захоронения, сформировавшиеся в относительно узкий временной период. Надежным средством, для определения хронологии этих сложных погребальных комплексов является привлечение данных естественнонаучных методов (радиоуглеродного датирования и дендрохронологии) (*Borodovskii et al.*, 2003. P. 79–92).

Хронологический уровень отражает динамику проникновения и взаимодействия местных и пришлых культурных традиций, получивших отражение в погребальной обрядности. Целая серия захоронений курганной группы Быстровка-2 имеет перекрестные радиоуглеродные и дендрохронологические даты (рис. 3). Достаточно показательны и ярусно-впускные погребения (рис. 2, 5б, 5з). Они считаются одной из локальных особенностей поздней саргатской культуры Барабы (Венгерово-1, 7, Абрамово-4) I в. до н. э. – I в. н. э. (*Палосьмак*, 1987. С. 95). Однако на территории Верхнего Приобья, судя по перекрестным данным радиоуглеродного датирования и дендрохронологии, этот элемент погребальной обрядности появляется значительно раньше. Например, ярусные захоронения № 5а и 5б кургана № 4 Быстровки-2 по дендрошкале датируются от 493 до 493 года до н. э. По результатам радиоуглеродного датирования деревянных конструкций для этих же погребений календарные интервалы составляют от 509–90 гг. до н. э. (АЕ-5432, 2250 ± 80 л. н.)² и 231–97 гг. до н. э. (АЕ-5431, 2150 ± 25 л. н.). Для ярусных захоронений соседнего кургана № 5 Быстровки-2 наблюдается аналогичная ситуация. Кости погребенного из могилы № 30 по радиоуглероду датируются 509–90 гг. до н. э. (СОАН-3962, 2250 ± 80 л. н.). Внутримогильная конструкция захоронения № 32 того же кургана по дендрошкале имеет дату 263 г. до н. э., а кости погребенного по радиоуглероду датируются 366–41 гг. до н. э. (АЕ-5433, 2140 ± 60 л. н.).

Предметный уровень наиболее отчетливо выражен в сочетании изделий, атрибутирующих различные культурные традиции (самодостаточном и гибридном), а также степени заимствования и адаптации инокультурных предметов в иную среду. Погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган № 4, погребения №№ 5а, 5б). Однако «интеграция» инокультурных элементов в составе Быстровки-2 представлена не только в погребениях, но и в ритуальных действиях с «иноплеменниками». Примером этого является помещение трех человеческих голов на краю насыпи кургана № 9, сопровождаемых кулайским и саргатским сосудами (рис. 2, 3з; 4, 8, 11, 14). Кроме захоронений с предметами саргатского происхождения среди погребений многомогильных курганов Быстровского некрополя встречаются могилы с кулайской керамикой (рис. 2, 6в). Присутствие этих инокультурных черт в элементах сопроводительного инвентаря многомогильных курганов Быстровского некрополя позволяет проследить интегративные возможности погребального пространства, как отражения поликультурности — одной из основных особенностей эпохи раннего железа. Включение этих захоронений в общую систему размещения погребений в многомогильных курганах на примере Быстровского некрополя не позволяет пока говорить о том, что они имели какое-то особое место. Единственно, что можно утверждать, что все захоронения с инокультурными элементами располагались во внешнем кольце захоронений. Судить об уровне престижности этого места пока не представля-

² Калибровка всех радиоуглеродных дат осуществлена при помощи программы OxCal. Использована калибровочная кривая JutCal13.

ется возможным. Правда, в центральной части кургана такие захоронения, как правило, не присутствуют. Однако даже для элитных курганов эпохи раннего железа расположение могилы в их центре не всегда соответствовало высокому статусу погребенного (*Саловьев, 2009. С. 385*).

Ритуальный уровень непосредственно связан со спецификой символических действий, результаты которых нашли отражение в следах обрядовых практик, связанных с захоронением человеческих голов, скальпирования, прижизненной и посмертной трепанации. Следует подчеркнуть, что некоторые ритуально-погребальные действия (захоронения отсеченных черепов с пробитыми глазницами) на периферии многомогильных курганов (рис. 2, 3з) сопровождалась инокультурной керамикой саргатского и кулайского происхождения (рис. 2, 6з), что, возможно, связано с социальным статусом останков погребенных.

Горизонтальная плоскость является одной из главных составляющих, в рамках которой проявляются основные принципы планировки погребального пространства. Многомогильные курганы эпохи раннего железа Верхнего Приобья представляют пример совершения продолжительных последовательных погребений. В этом случае происходит явная переориентация организующей функции с останков погребенных на само погребальное сооружение, которое превращается в основное организующее начало (*Смирнов, 1997. С. 72*). Таким образом, не пространство организуется вокруг погребенного, а останки размещаются в зависимости от условий, «предъявляемых» пространством, заполняя его свободные «ячейки» (Там же, 1997. С. 35). В этом случае внутреннее пространство погребального сооружения приобретает ячеистую структуру, появляющуюся на территории Южной Сибири в раннескифскую эпоху (Там же, 1997. С. 51). Для некоторых многомогильных курганов Быстровки-2 по результатам радиуглеродного и дендрохронологического датирования погребений выявлено приоритетное заполнение северного внешнего края захоронений, относительно южного. В сравнении с общей планировкой Быстровского некрополя освоение погребального пространства шло с противоположной южной стороны.

Многомерность погребального пространства (его вертикальная и горизонтальная составляющие), является не только основой его структуры, но и принципами планировки при сооружении захоронений. Для многомогильных курганов Быстровского некрополя это проявляется в различной глубине могильных ям, величина которой постепенно уменьшалась от центра к периферии погребального комплекса (рис. 2, 5а, 5в). Другим проявлением этой особенности является значительное количество ярусных захоронений в многомогильных курганах Быстровки-2, 3 (рис. 2, 5б, 5г). Некоторые принципы организации внутреннего пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя вступают в явное противоречие с предположением Т. Н. Троицкой о том, что центральное захоронение сооружалось одним из первых. По данным дендрохронологии и радиуглеродного датирования погребений целого ряда курганов (*Бородовский, 2002. С. 182, 184*) Быстровки-2 захоронения на периферии имели более ранние даты, чем погребения, расположенные в центре. Такие факты, в свою очередь, свидетельствуют об определенной упреждающей организации внутреннего погребального пространства многомогильного кургана, с заранее распределенными местами среди населения, оставившего этот некрополь. Для многомогильных курганов Быстровского некрополя представлено несколько вариантов размещения могильных ям относительно друг друга. Погребальные ямы могли располагаться рядами (рис. 2, 4а). Такая планиграфия захоронений часто сочеталась с круговым размещением могил (рис. 2, 4б). Однако наиболее распространенным способом размещения погребений в многомогильных курганах Быстровского некрополя является «кольцевая» планировка (рис. 2, 4в). Основная часть действий в рамках погребальной обрядности часто рассматривается, как попытка социума заново утвердить порядок, нарушенный смертью (*Смирнов, 1997. С. 4, 5*). С этой точки зрения достаточно интересен вопрос об интерпретации последовательности сооружения захоронений при их кольцевом расположении в многомогильных курганах Быстровки-2. По данным дендрохронологии все эти могилы сооружались (с учетом ориентации погребенных) по направлению движению солнца или против него. В целом ряде многомогильных курганов Быстровского некрополя встречаются два или несколько кольцевых «витков» захоронений, погребенные имеют различную ориентацию — по ходу движения солнца и против него (рис. 2, 4г). В некоторых случаях такая ориентация захороненных может меняться в пределах одного кольцевого витка захоронений. В обрядовой практике, включая погребальную обрядность, солярный

фактор, безусловно, имеет важное значение. Наряду с этим, круговое расположение индивидуумов является одной из социальной и обрядовой практики многих этносов, включая сибирских аборигенов. Не исключено, что аналогичная организация погребального пространства многомогильных курганов Быстровского некрополя вполне может быть связана с этими структурами. Детальное обоснование этого предположения, конечно, требует дополнительных исследований и аргументов, но вполне возможно, что каждый из погребенных в многомогильных курганах с кольцевым расположением могил имел в них свое определенное место («ячейку»). Если рассматривать многомогильные курганы Быстровского некрополя как погребальные комплексы определенных семейно-родственных или родовых групп, то кольцевая планировка захоронений вполне может быть связана с этими социальными структурами. Погребальное пространство многомогильных курганов эпохи раннего железа верхнего Приобья отличается высоким уровнем сочетания индивидуальной и общей структуры погребального комплекса. Эта черта проявляется как на примере отдельных захоронений (одиночные, парные, коллективные, ярусные), их культурной принадлежности, а также расположения их в определенных «ячейках» общей погребальной конструкции типа земляного многомогильного кургана.

Кольцевая, ячеистая структура погребального пространства многомогильного кургана эпохи раннего железа Южной Сибири, несомненно, связана с мировоззренческими представлениями населения, оставившего эти сооружения. Интерпретация реального идеологического смысла этих погребальных комплексов невозможна без тщательной фиксации и разносторонней характеристики. При этом, кроме взаиморасположения различных объектов относительно друг друга, крайне важна их общая структура, складывающаяся в определенный период. Для многомогильного кургана эпохи раннего железа Верхнего Приобья такое время может быть достаточно продолжительным (от нескольких десятилетий до столетия).

Длительность бытования такой погребальной традиции, широкая распространенность в верхнеобском регионе (Новый Шарап-2, Милованово-2, 8, Камень-II, Масляха-I, II; Новотроицкое-II), позволяют рассматривать ее в качестве особой культурной универсалии эпохи раннего железа, одной из главных составляющих которой является сложная структура организации пространства погребальной сферы.

При анализе сопроводительного инвентаря очевидна необходимость его градации на несколько групп. Одной из них являются подлинно инокультурные предметы, имеющие прямые аналогии в погребальных комплексах другой культурной традиции из сопредельных регионов. Например, керамический кулайский сосуд из погребения № 2 кургана № 9 Быстровки-2 аналогичен керамике I группы из Каменного Мыса. Радиоуглеродная дата (СОАН-3966, 2285 ± 60 л. н.) костей погребенного с таким сосудом соответствует периоду 509–192 гг. до н. э. К такой же группе керамики следует отнести и кулайский сосуд с «шипом» из кургана № 2 погребения № 4 Быстровки-2 (рис. 4, Б7). Другим ярким примером наличия инокультурной керамики является полное соответствие саргатского сосуда с рогообразным орнаментом с вдавлениями из Быстровки-2 (рис. 4, Б17) и Венгерова-7 в Барабе, а также с посудой из Коконовских курганов в Прииртышье (Полосмак, 1987. С. 40, рис. 34, 4). Погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган № 4, погребения №№ 5а, 5б). Такая особенность позволяет рассматривать Быстровский некрополь в формате изучения характера кулайско-саргатских связей, что крайне актуально для всей лесостепной зоны Западной Сибири (Татаурова, 1998. С. 39–46).

К другой группе относятся вещи из транскультурного предметного комплекса, особенно металлических изделий, получивших широкое территориальное распространение. Например, малые бронзовые обоймы (рис. 4, А1, Б1), связываемые с кулайским влиянием в формате брачных контактов (Могильников, 1995. С. 78), встречаются в погребениях на сопредельных территориях (Алтай), датирующихся не позднее рубежа V–IV вв. до н. э. (Бородовский, Бородовская, 2013. С. 156, рис. 63, Б). Такие изделия (рис. 4, Б1) были обнаружены в кургане № 2 Быстровки-2, материалы которого по радиоуглеродному датированию относятся от 810–540 гг. до н. э. (СОАН-3925, 2560 ± 40 л. н.) до 760–390 гг. до н. э. (СОАН-3926, 2380 ± 45 л. н.).

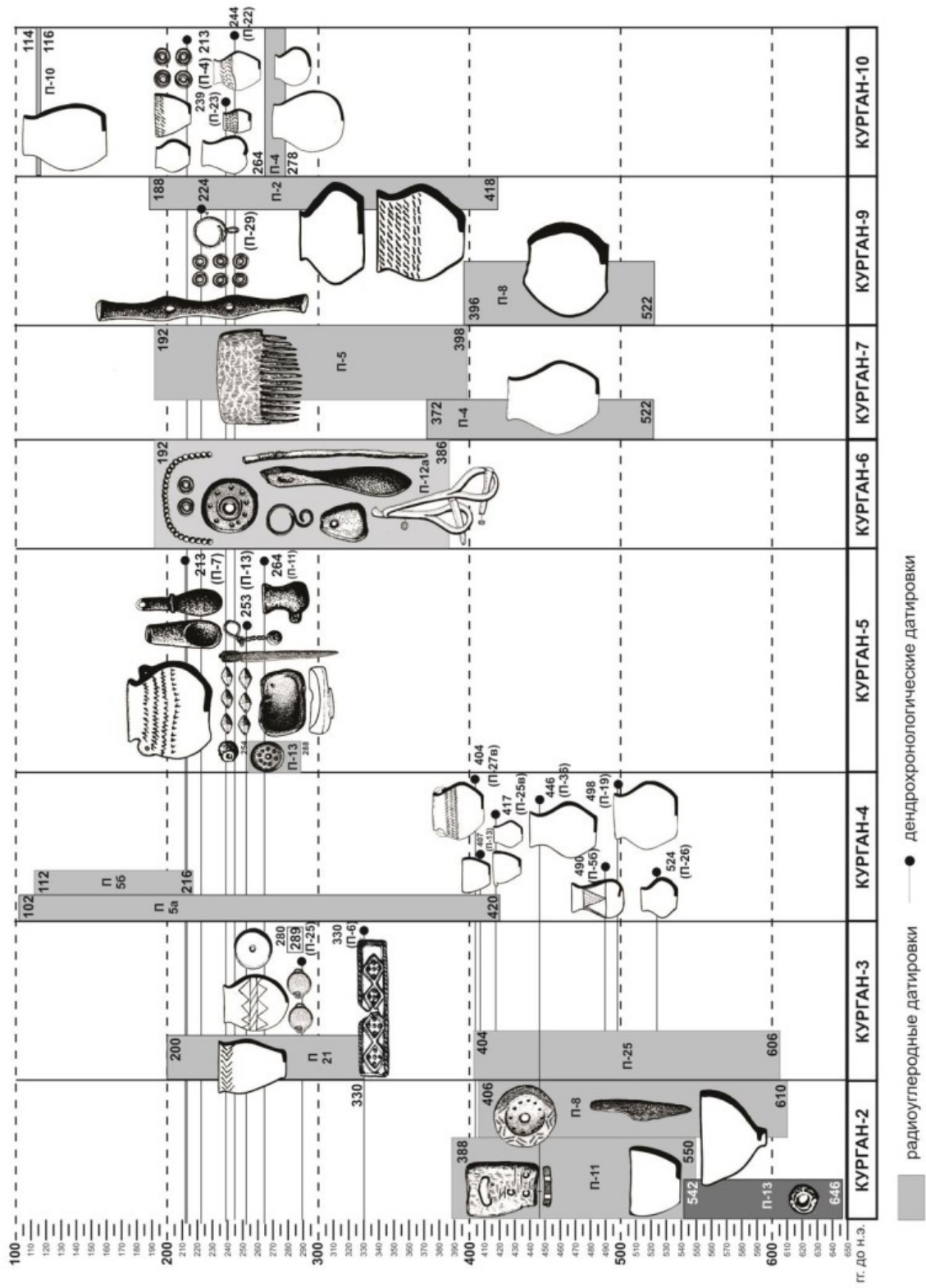

Рис. 3. Результаты естественно научного (радиоуглеродного, дендрохронологического) и археологического датирования погребений курганной группы Быстровка-2

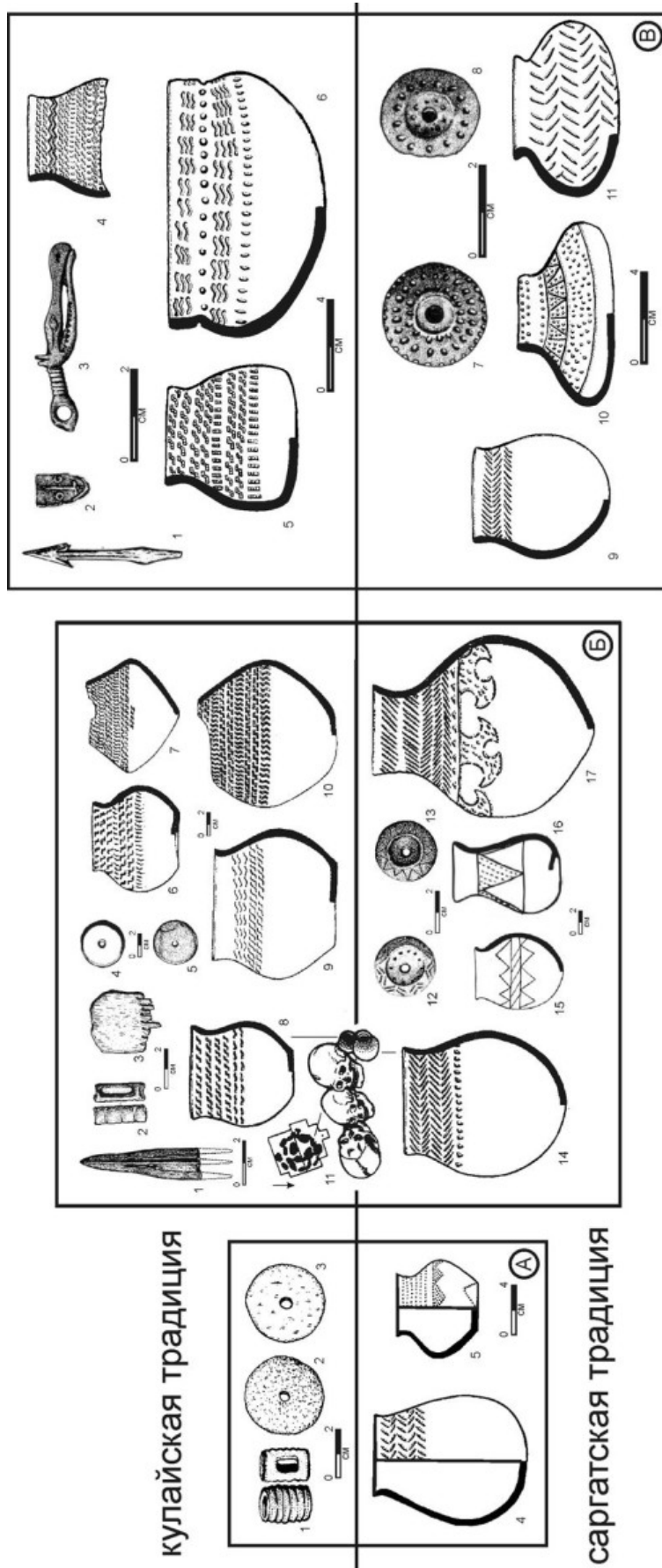

Рис. 4. Поликультурность предметного комплекса Быстровского некрополя:

A — предметный комплекс Быстровки-1 с признаками кулайского и саргатского влияния; 1 — бронзовая обойма; 2, 3 — каменные пряслища; 4, 5 — керамические сосуды;
B — предметный комплекс Быстровки-2 с признаками кулайского и саргатского влияния; 1 — бронзовый наконечник стрелы; 2 — бронзовая обойма; 3 — роговой гребень;
 4, 5 — каменные пряслища; 6–10 — кулайские керамические сосуды; 11 — планширфия захоронения голов на краю насыпи кургана № 9; 12, 13 — керамические пряслища;

14–17 — керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния;
B — предметный комплекс Быстровки-3 с признаками кулайского и саргатского влияния; 1 — костяной наконечник стрелы; 2 — металлургическая лгчица; 3 — бронзовая подвеска;
 4–6 — кулайская керамика; 7, 8 — керамические пряслища; 9–11 — керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния

Другой категорией предметов с неоднозначной кулайской атрибуцией являются каменные неорнаментированные пряслица (рис. 4, *А2, А3, Б4, Б5*). Дендрохронологическая датировка «осевого» погребального комплекса Быстровки-2 (курган № 3, погребение № 25), где присутствует каменное дисковидное пряслице, надежно относится к 289 г. до н. э. В целом наличие пряслиц может являться надежным признаком распространения определенной культурной традиции (Там же, 2013. С. 198, рис. 105). В Быстровском некрополе это наиболее отчетливо представлено наличием типично саргатских керамических пряслиц (рис. 4, *Б12, Б13, В7, В8*).

Следующей группой важных предметов для «поликультурной диагностики» являются те, которые связаны не только с явным заимствованием, но и адаптацией их под «местные реалии». Один из самых показательных предметов — бронзовый наконечник кулайского типа из погребения № 7 кургана № 6 Быстровки-2 (рис. 4, *В1*). Важно отметить, что инокультурная форма предмета вооружения была явно адаптирована к «местной среде» путем спиливания длинных шипов. Для костяных наконечников гарпунного типа (рис. 4, *В1*), представленных как в Каменном Мысе, так и Быстровке-3, следует отметить их эпихальную, хронологическую особенность (хуннскую), а не исключительно «северную» принадлежность.

Определенную «гибридность» можно констатировать и для отдельных образцов металлопластики Быстровского некрополя, связываемых с кулайской культурной традицией. Например, бронзовая подвеска с зубастым лосем на рифленом стержне из Быстровки-3 имеет явные связи с центральноазиатской металлопластикой (рис. 4, *В3*). Кроме того, выводы об абсолютном доминировании образа лоса в кулайском литье в целом являются не обоснованными (*Труфанов, Труфанова, 2015. С. 275–276*).

Особое значение для определения формата поликультурности имеют неординарные захоронения, снабженные разнокультурным сопроводительным инвентарём. В частности, на западном краю насыпи кургана № 9 Быстровки-2 зафиксировано отдельное захоронение трех черепов, рядом с инокультурными (кулайским и саргатским) керамическими сосудами (рис. 4, *Б8, Б11, Б14*). Отрубленная человеческая голова в Центральной Азии являлась одним из атрибутов ритуальной деятельности и политической культуры вплоть до эпохи развитого Средневековья (*Дмитриев, 1997. С. 212–219*). Явно выраженный военный травматизм, включая следы скальпирования (*Бордовский, Табарев, 2005. С. 87–96*), погребенных Быстровского некрополя также является одним из последствий поликультурности, связанной с повышенной конфликтностью. Судя по предметам вооружения, эти действия были явно связаны с южными соседями. В свою очередь, в керамическом комплексе Быстровского некрополя достаточно четко выражен сакский компонент, во многом обусловленный активными миграционными процессами из Центральной Азии и Синьцзяна (*Боталов, 2007. С. 62*).

Несмотря на то, что единичные радиоуглеродные даты из Быстровки-1, курган № 17 погребение № 1 (СОАН-3956, 2390 ± 75 л. н.) 774–361 гг. до н. э. и Быстровки-3 курган № 6, погребения №№ 4, 8 (СОАН-3972, 2345 ± 65 л. н.) 592–350 гг. до н. э., (СОАН-3963, 2410 ± 75 л. н.) 772–386 гг. до н. э. располагаются в рамках общей хронологии Быстровки-2, следует отметить различную степень присутствия кулайских материалов в этих памятниках. Все это позволяет усомниться в прежней периодизации «первой волны расселения» кулайцев на севере Верхнего Приобья, которая подразделялась на два этапа: III–II вв. до н. э. и II–I вв. до н. э. (*Троицкая, 1979. С. 46, 48, 49*). Учитывая последние данные комплексного датирования быстровского некрополя, хронологию миграционных процессов носителей кулайской культурной традиции на территорию Новосибирского Приобья можно удревить не менее чем на 100 лет. Более того, в условиях поликультурности факты совместных захоронений в одном погребальном пространстве могут соответствовать начальному этапу их интеграции (*Slater et al., 2014. P. 117–127*). Для IV–III вв. до н. э. на основании археологических данных из всего Быстровского некрополя и Каменного Мыса можно говорить о нескольких моделях поведения многокомпонентных групп населения, которые были представлены как консолидацией, так и интеграцией. В рамках этих процессов особенно выразительным является керамический комплекс. В полной мере это нашло отражение не только в делении Т. Н. Троицкой по материалам Каменного Мыса нескольких групп керамики, но и в сочетании посуды «северного» и «южного» облика в одних и тех же погребальных комплексах (*Троицкая, 1979. С. 16–19*).

В целом, обобщая археологические данные о поликультурности Быстровского некрополя, можно с полным основанием рассматривать этот репрезентативный погребальный комплекс как эталонный в рамках отражения сложных процессов культурогенеза древнего населения Верхней Оби.

- Бородовский А. П.* Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Мат-лы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2002. Вып. 6.
- Бородовский А. П.* Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 2004. Вып. 3.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. А.* Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013.
- Бородовский А. П., Табаров А. В.* Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2005. № 1 (21).
- Боталов С. Г.* Туркестан как единое геополитическое пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск, 2007.
- Быстрова А. Н.* Структура культурного пространства / Автореф. дис. на соиск. ... докт. ист. наук. Томск, 2004.
- Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.
- Дмитриев С. В.* Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общезиатский контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. СПб., 1997.
- Могильников В. А.* О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1.
- Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
- Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002.
- Смирнов Ю. А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997.
- Соловьев А. П.* Большие курганы: к вопросу о определении статуса погребенных // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2009. Т. XV.
- Татаурова Л. В.* К вопросу о северных связях саргатской культуры // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998.
- Телегин А. Н.* Некоторые особенности планиграфии курганной группы Обьезное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А. П. Уманского. Барнаул, 2008.
- Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
- Труфанов А. Я., Труфанова Ж. Н.* К вопросу об «Образе лося» в западносибирской металлопластике раннего железного века // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015.
- Borodovskii A. P., Slusarenko I. Yu., Kuzmin Y. V., Orlova L. A., Christen J. A., Garkusha Yu. N., Burr G. S., Jull A. J. T.* Chronology of Early Iron Age Burial Assemblages in the Upper Ob Area Based on the Tree-Ring and Radiocarbon Methods: Bystrovka-2 Burial Ground // Archaeology, Ethnology & Anthropology Eurasia. 2003. № 3 (15).
- Slater P., Hedman K. M., Emerson T. T.* Immigrants at the Mississippian polity of Cahokia: strontium isotope evidence for population movement // Journal of Archaeological Science. Vol. 44. April 2014.